

Тигион

Автор:

Владимир Вейс

Тигион

Владимир Вейс

Молодой журналист, Сергей Лемешев, будучи в командировке в Туркменистане, спускается в самый глубокий рукотворный колодец и находит модуль перемещения в пространстве и времени из далёкого будущего Земли. Погибает. Но модуль перемещает его тело в будущее, где жительница Земли, Звия, находящаяся в бодрствовании, с помощью спецтехники "воскрешает" Лемешева. Она знакомит журналиста с реалиями своего времени. В связи с перенаселением планеты большинство жителей находится в спячке на орбите Земли, по графику они просыпаются и каждый занимается своим делом. Сама планета представляет из себя безжизненное пространство, однако у каждого проснувшегося есть своя территория -Тигион... Неординарная, смелая идея, характерные герои и неожиданные повороты сюжета заметно выделяют данное произведение из ряда ему подобных.

Владимир Вейс

Тигион

Книга первая

Звия

Предчувствие

Вы думаете, что невозможно перешагнуть через миллионы лет?

Ещё как возможно! Надо подумать о том, как оказаться в очень далёком будущем. Но сначала следует понять, что в другом времени многое не так, как в твоей жизни: и философия общества, и его развитие – совершенно иные... И тогда на помощь необходимо призвать анализ тенденций своего времени. Этот экскурс в диалектику даёт направление фантазии, как проекту будущего.

Необходимо отталкиваться от того, что мысль строит мир. Сначала это модель, цивилизация может воспользоваться и ею, а иногда и в сочетании с другой, не менее сумасшедшей, на первый взгляд мыслью. Ведь то, что происходит сегодня – разве не безумие, с точки зрения людей, живших всего лишь полвека назад?

Итак, я, как автор, начинаю верить в то, что пишу, когда «нащупываю почву» под ногами. Ведь так поступает и учёный, когда создаёт теорию, основанную на первых лабораторных результатах, когда вещество показывает неожиданные и противоречащие фундаментальным теоретическим основам свойства. И тогда человек начинает строить такую систему логических умозаключений, которая оправдывает новое поведение материи.

Глава первая

Через 1 час после вспышки

Конец июля 1982 года выдался архижарким. В Вашингтоне ближе к полудню уже плавился асфальт. Именно поэтому в пятницу генерал Хейг с семи утра был в своём кабинете. После обеда в такие дни у него был запланирован час сна под кондиционером.

– Мэри, – вызвал он по селекторной связи секретаршу.

– Да, генерал.

Мэри никогда не называла шефа госсекретарём. Она стояла перед ним навтыжку, не старая и не молодая, не красивая и не безобразная.

– В корпорации «Дженерал Электрик» тебя ждут. Вот телефон. – Хейг перегнулся через стол, бросив подготовленную им карточку. – Свяжешься, когда тебе будет удобно.

– Спасибо, – несколько сухо вато для благодарности сказала женщина.

Спросила:

– Подать сводку?

– Неси. О моей отставке президент доложит на утренней встрече. А пока не будем нарушать порядка.

Он хитровато взглянул на женщину. Она промолчала. Его воспитание!

Все помощники госсекретаря Александра Хейга тоже были на местах. За информацией Central Intelligence Agency следил референт доктор Браун. Но сводку он передавал опять же через секретаря. Так уж было заведено. Но на этот раз Хейг, просматривая последние события, вызвал Брауна.

– Джордж, присаживайтесь. Вы должны поладить с Шульцем.

Доктор не дошёл до кресла и остановился. На лице его было написано крайнее недоумение.

– Почему?

– Ну, не надо изображать невинность, вы же аналитик.

Браун изогнул бровь:

– Ну да, имена у нас сходятся.

– Не поладите, пристрою. А теперь ответьте, что это?

Он протянул лист сводки с отмеченной красным цветом фломастера строкой. Сведения об СССР он помечал именно этим цветом.

Доктор ответил:

– Зафиксирован мощный выброс фотонной энергии на территории СССР. Это произошло на территории Туркменистана, почти в центре пустыни.

– Что значит – фотонной? Объясните – это связано с ядерной энергией?

– Нет. Это нейтральная элементарная частица с нулевой массой и спином 1.

– Отлично! Вспомним Гарвард. Итак, это природное явление или взрыв?

– Это шло от поверхности земли. Но не пуск ракеты. Время зафиксировано: 13.44 по Москве.

– Вы уже живёте по Москве?

Государственный секретарь подошёл к окну. Солнечные лучи упали на его лицо. Он резко развернулся и посмотрел на помощника:

– В недавней речи на пленуме Брежнев хвалился новым сверхмощным оружием, способном вызвать природные катаклизмы.

– Это возможно, если взорвать водородную бомбу на определённой глубине океана, что позволит спровоцировать цунами и вызвать гигантскую волну, которая сможет «вылизать» любое наше побережье километров на сто.

– А что, если предположить, что они сумели обуздать фотонную энергию? В чем это может выразиться?

– Пока это из области фантастики, – пожал плечами доктор. – Русские в Дубне пытаются раскрутить частицы, но фотоны неуправляемы.

– А если они их приручили? Фантазируйте, доктор, ну! – потребовал генерал.

– Если допустить прорыв русских в экспериментах, то они могут через два-три десятилетия вывести космические корабли на световую скорость, или... Нет...

– Продолжайте, не стесняйтесь.

– В сочетании с лазерными установками они могут сжечь из космоса любой объект на нашей территории. Вывести из строя мощным направленным лучом любые атомные реакторы.

– Вы это серьезно?

– Вы потребовали фантазий, я допустил это.

– И что же у них там, в пустыне?

– В том квадрате лишь буровая. Шахты ракет у них гораздо севернее, вот здесь.

Браун подошёл к карте СССР на стене и ткнул указкой, которую он снял с крючка за драпировкой.

– Тогда я не завидую Шульцу, он ещё не знает коварства Советов. У них всегда что-нибудь подают на десерт.

Генерал сделал паузу. Опять мысли об отставке. Его Рональд дрогнул. Да, это не съёмочная площадка, господин президент.

– Наши друзья в сенате, – по тону Хейга было ясно, что это за друзья, – хотели избавиться от «ястреба»! Но ведь кто-то должен клевать головы русским. Да и не только им... Проект о вводе экономических санкции против Польши предложил как раз я, «ястреб». И вот, поверьте, доктор, осенью на выборах в конгресс демократы, используя мой уход, продвинулся. За нами останется сенат, но дальше – не знаю...

Александр Хейг как в воду смотрел. За две недели до Рождества Палата представителей Конгресса США откажется удовлетворить запрос президента Рейгана о выделении 988 миллионов долларов на строительство и испытания первых пяти из 100 ракет класса «МХ». Но это уже другая история. А в то утро генерал Хейг сложил свои полномочия государственного секретаря Соединённых Штатов стал Джордж Шульц. Он отправил доктора Брауна дослуживать в Центральное разведывательное управление.

36 часов до вспышки. Москва

Сергей Лемешев опаздывал. Он быстро проскочил вахтёра, лифт услужливо открыл дверь, и оказалось, что придётся подниматься на шестой этаж одному. Неужели все уже работают? Когда он шагнул в полутёмный коридор, то понял, что ошибся этажом, в запарке нажал на пятый. Это был закуток главного редактора, его заместителей и ответственного секретаря. Ковры, кондиционеры, тишина. Дом отдыха!

– Молодой человек! Лемешев, зайдите ко мне!

Ну надо же, главный редактор помнит его ещё молодым человеком!

Андрей Николаевич Артухов, как и все люди невысокого роста, славился коварным гостеприимством. Он, как рыбак, вылавливал опоздавших и тащил на леске вежливых слов в свой кабинет, на ходу приказывая секретарше подать им чая, а лучше – кофе, на две персоны. Первая персона был он сам – бог и царь всех этажей, где располагалась редакция «Комсомольской правды». Вторая – подвернувшийся под руку сотрудник. Чем грозила беседа в кабинете главного? Да ничем особенным: в конце мирного разговора о «Спартаке» и «Динамо», видах на урожай зерновых, происках американских спецслужб в странах социалистического лагеря, Артухов звонил редактору отдела, в котором работал провинившийся, и приказывал оформить командировку такому-то туда-то! Обычно место командировки выбиралось такое, чтобы болельщик «Спартак» почувствовал, что о «Торпедо», любимой команде шефа, нельзя отзываться пренебрежительно! И в командировочном удостоверении появлялись Колыма, Аральское море, Монголия...

Так что дисциплина в редакции два года, пока Андрея Николаевича не перевели в ЦК ВЛКСМ, была железной.

– Давно не были в командировочке, Сергей Иванович? – ласково заглянул в глаза Лемешеву главный.

– Да вот отписываюсь после Молдавии...

– Михаил Абрамович, – энергично звонил главный в отдел Сергея по телефону, – Лемешева – в Ашхабад. Нет, не через неделю, и не завтра, а сегодня! Во вторник должен быть материал.

Всё коротко и ясно!

– Андрей Николаевич! – попытался было увильнуть от поездки Сергей. – Там же на солнце в июле 70, по Цельсию, градусов! В пустыне, говорят, яйца мгновенно запекаются.

– Где-где запекаются? – но рукой Артухов показывал на один из телефонов, который залился трелью. Мол, всё, аудиенция окончена, дела.

– В песке запекаются.

Уточнение было уже сделано рядом с массивной дверью, обитой кожей.

– Надо же, – слышалось сочувствие главного, – береги себя, Лемешев.

Это уже по ту сторону двери, как по ту сторону жизни.

Про яйца Сергей сказал от отчаяния. Волновало другое: на пятницу у него была назначена встреча со Светочкой Сергеевой, которая пригласила его на дачу родителей, с ночёвкой. Молодые люди познакомились в метро, у касс. В вагоне выяснилось, что имя и фамилия у них совпадают перекрёстным образом. Чем не повод для более близкого знакомства? Они уже успели встретиться несколько раз. Наконец Светочка предложила дачу. «Будем одни!» – сказала она. Сергей настроился на очень приятное во всех отношениях randevu. И вот облом из-за какого-то опоздания на работу! Артуховская казарма!

– Попал, дорогой? – Михаил Абрамович Коган вырастил огромные усы a-la Щорс, в которые коварно улыбался. – Не удивительно, что Туркмения! Вчера Артухову подложили на стол республиканскую молодёжную газету, в которой промелькнула короткая заметка о колодце глубиной 220 метров! Самом глубоком в Каракумах! Вероятно, и во всём мире, если не считать природный колодец в Италии, близ Рима. Тебе обязательно следует побывать на его дне! Вернёшься с полосой, – шеф сделал паузу, чтобы вложить в последующие слова весь пафос того замечательного времени, когда знаменитым можно стать, подвергнув себя смертельному риску ради общего дела, – встретим, как героя космоса!

Сергей просунул руку за огромную тумбу своего письменного стола и вытянул недавно купленный индийский «дипломат», в котором находилось всё, что необходимо было для таких экстренных случаев, от зубной щётки, блокнота для записей до фотоаппарата «Зенит». Через минуту он уже забыл о свидании на даче.

24 часа до вспышки. Борт самолёта Москва – Ашхабад

Жара при выходе самолёта при подлёте к столице Туркменистана сдавила «героя космоса» словно противник в классической борьбе, намереваясь положить на обе лопатки: между ними текли реки пота. Салон ТУ-104 превратился в парную бани. Взмокла рубашка, хоть снимай и отжимай!

Хорошо, что народ здесь приветливый! Подкатила к трапу «Волга» ЦК комсомола Туркменистана. Инструктор отдела пропаганды и агитации Какагельды Байрамов, важный, сановитый, с животиком – спутником излишеств, вышел, чтобы под белы руки проводить гостя к машине. И гостиницу подыскиали уютную, коттедж в Ботаническом саду.

– Это же настоящий оазис прохлады, дорогой, – по-свойски склонился над ухом Какагельды.

Он лично провёл гостя в домик, открыл холодильник, забитый египетским пивом Stella, копчёной каспийской осетриной, запотевшими бутылками водки. Камера для овощей была полна крупным виноградом сорта «Дамский пальчик»,

гранатами и инжиром.

В первый же вечер Какагельды и редактор «Комсомольца Туркменистана» Мурад Гафуров в ресторане, примыкающем к Ботаническому саду и скрытым под сенью густых, экзотических для Туркмении дубов, угостили москвича пловом и шашлыком под многочисленные тосты. Наконец Сергей пришёл в тупое созерцание стройных ног разбитной официантки, которая разве что не садилась к нему на колени! И села бы юная проказница, сделай москвич ей намёк. Но единственное, на что был способен столичный журналист, так это вспоминать со смешанными чувствами благодарности и ненависти Артухова...

Утром его поднял звук клаксона «Волги», остановившейся перед гостиницей. По Ашхабаду уже бегали «Жигули» первых моделей, но престижными в мире партийной и, естественно, комсомольской номенклатуры оставались «Волги», машины Горьковского автозавода.

Лемешев, морщась от боли в висках и тяжести в затылке, или наоборот, войдя в ванную, взглянул в зеркало. Но вместо мрачного человека, страдающего синдромом похмелья, увидел молодого мужчину с весёлым оскалом ровного ряда белых зубов. В отражении светлые, почти льняные, волосы истинного русича очень необычно сочетались с чёрными бровями. Голубые глаза, как у Алена Делона. Всё это производило на женщин неизгладимое впечатление.

Он знал об этом, но считал, что не родилась на свете та женщина, которая бы завлекла его в сети Гименея.

– Ты презираешь всех нас, красавчик, – сказала однажды на вечеринке в столовой редакции бойкая машинистка Глория, она же Акулина Мамонова из-под Тулы, мечтавшая подхватить москвича с университетским дипломом и родителями – партийными боссами. По энергии и любви к экспромтам она походила на героиню Ирины Муравьёвой из кинофильма «Москва слезам не верит». Холостяк Сергей Лемешев давно привлекал её внимание, хотя это «давно» составляло всего семь месяцев после появления Глории в редакции.

– Это наглый поклёп, – усмехнулся Сергей, и после вечеринки девушка оказалась в его квартире.

– Потрясно! – так Глория выразила своё восхищение большим количеством африканских масок в комнате Лемешева и плюхнулась на тахту, открыв для широкого обозрения привлекательные ноги. Плюшевая кукла, подаренная мамой Сергею в его детсадовские времена, подскочила и неуклюже зарылась головой в угол тахты, прижимая к своим тряпичным ушам полусогнутые лапы. Приговор был окончательный. Как истинный джентльмен, лишь ближе к полуночи Сергей вызвал для Глории такси, которое доставило девушку в редакционное общежитие в Сокольниках.

Это было ещё при жизни мамы Лемешева, которая была очень рада, узнав, что Глория выскочила замуж за старшекурсника факультета геологии МГУ, что принёс в редакцию свой труд для публикации. Это было что-то о психологии молодёжного коллектива геологической партии в условиях суровой тайги...

Сергей расслабленно сидел на переднем сиденье «Волги», которая несла его на аэродром. По очереди инструктор Какагельды Байрамов и Дурды Сахатов – художавый главный инженер треста «Туркменспецводопровод» – развлекали его анекдотами. Затем разговор принял темп неспешных вопросов и таких же обстоятельных ответов.

В этой республике Сергей был впервые. Здесь успешно работал их собственный корреспондент Василий Кирсанов. Но его месяца два назад взяли в «Правду». Вот почему Артухову нужна была «география» и «экзотика».

Что за порода людей, думал Сергей, наблюдая за своими собеседниками. Просто из чиновников, добравшихся до заметных вершин, но ещё не почувствовавших предела мечтаний «аппаратчика-альпиниста»? Или это была смесь истинного гостеприимства с расчётливой восточной угодливостью: что в Москве скажет о них он, человек с трудной для произношения фамилией? Дурды Сахатов так и переспросил при знакомстве: «Лэмэсев»? На это Сергей с улыбкой ответил, используя вчерашнее общение в кругу туркмен: «Ова, ова», «Да, да». Не станешь же поправлять людей, в алфавите которых нет мягкого знака!

Их ждал вертолёт МИ-4 зелёного цвета. Когда все оказались в его по-армейски простом салоне, главный инженер, человек простодушный, достал из своего портфеля (Сергей усмехнулся – прекрасное изделие из кожи крокодила служило котомкой!) бутылку туркменского коньяка, «визитную карточку» в длинных коридорах министерств в Москве.

– По глотку, Сэргэй?

– Нэт, дарагой, – в тон Дурды (почему-то к имени инженера хотелось добавить «Мурды») ответил корреспондент, – мне бы аспиричику.

Инженер с явным непониманием обстановки пожал плечами, пряча бутылку (сам он не очень любил коньяк, русская водка лучше), и достал аспирин, обнаружив этим полную осведомлённость о состоянии корреспондента и готовность всячески угодить.

Организм быстро согласился с приёмом лекарства, и голову отпустило настолько, что Сергей задумался над судьбой мух, жужжащих в салоне. Вроде бы праздное занятие, когда летишь над морем серо-жёлтого песка, которому ветры придали вид огромной стиральной доски. Блеснула нитка идущего к столице канала. О его строительстве писали только в восторженных тонах. Потянулись барханы и низины между ними, с тёмными вкраплениями пустынной растительности. Приземлится вертолёт, мухи вылетят, лениво иронизировал по поводу своих мыслей Сергей, а что потом? Они же, как домашние животные, пропадут без человека!

Что за чушь лезет в голову? Зря он отказался от коньяка. Не ровен час, по мухам заплачет! А Светочка обиделась, когда он отложил встречу из-за командировки. Студентка планового института немного помолчала и объявила в телефонную трубку, что последует вечному закону арифметики о том, что от перестановки слагаемых сумма не изменяется. «Жаль, но это не смертельно».

В свои 33 года журналист сумел выработать защитную реакцию от всякого рода недоразумений с прекрасным полом – равнодушие и к их и своей судьбе. Он закрыл глаза. Шум двигателей уже не раздражал, а стал убаюкивать. Растревоженный темой любви, он подумал об однокласснице Наденьке Свирской. После выпускного вечера они уединились у Верки Самойловой и до самозабвения целовались, настолько распалив себя, что дошли до неизведанного, а затем, до конца не осознавая, что произошло, вернулись к столу и поклялись любить друг друга до гроба.

Получилось – до Наденькиного. Через день её сбила машина, и Сергей, это случилось одиннадцать лет назад, впервые после смерти отца познал мерзкую способность жизни создавать вакуум желаний. Сергею вспомнилась мало кому

известная тогда в стране трагедия в Донецке, когда пятиэтажный дом ушёл под землю – в рукотворный вакуум выработанных шахт. Дом стал могилой для многих людей. Лемешев, спецкор «Комсомолки», летал тогда на место трагедии, но репортаж из-за цензурных соображений так и не вышел. Сейчас Сергей подумал, что его любовь к Наденьке была таким же исчезнувшим в пустоте земных пород домом...

Дурды-Мурды показал рукой в иллюминатор: там детской игрушкой замаячила буровая вышка. Базировались колодезкопатели в двухстах метрах от посёлка буровиков. Поэтому вертолёт пошёл на посадку.

4 часа до вспышки. Центральные Каракумы, колодец Азатлык

Ничего похожего на строительство колодца не было. Сергей увидел хибару из самана, которую, вероятно, построил самый ленивый из известной троицы поросёнок Ниф-Ниф. Неподалёку застыл в нелепой позе колёсный трактор «Беларусь», был ещё холм какой-то глины, спёкшейся на солнце в тёмную, шоколадного цвета массу. За холмом мелькнуло и пропало серое кольцо колодца.

Бригада строителей собралась в полном составе. Семь человек поочерёдно протягивали то ли грязные, то ли загоревшие до коричневых оттенков кожи руки для приветствия. Затем все расположились под навесом из брезента с восточной стороны домика, который оказался достаточно крепким (всё-таки его построил трудолюбивый Наф-Наф!). Горячий ветер пустыни нёс удушье начинающейся жары. Было часа два до полудня, небо потеряло синеву, превратившись в блёкло-грязную шатровую накидку.

Пили зелёный чай и вели неспешную беседу. Больше о политике, которую делали в Москве. За тысячи километров от столицы СССР в пустыне, оторванные от жизни, строители, комсомольский функционер и главный инженер треста задавали Сергею вопросы односложные, но с глубоким подтекстом: «А правда ли то, что?» Лемешев не знал, от чего больше устал: то ли от жары, то ли от искреннего интереса людей к жизни политической верхушки. А что в ней интересного? Люди у власти были такими же в своих обыденных поступках, как все смертные, но у них было больше возможностей предавать своим страстишкам статус государственной необходимости.

Наконец, бригадир, невысокий коренастый туркмен с чёрной копной волос, перемешанной с песком, придавшим голове пепельный налёт, оценил скрытое раздражение гостя, вынужденного говорить, а не заниматься делом, кивнув ему и Паше-мотористу, направился к колодцу. Лемешев с радостью схватил свой рюкзачок и вышел за бригадиром.

В пустыне с полудня до шестнадцати часов негласным распорядком дня установлен обед с дремотой. В норах в это время спали тушканчики, степные лисы и волки, вараны «зем-зен». Даже змеи, найдя тень в сплетениях пустынной полыни, экономили силы для ночной охоты на мелких грызунов. Лишь медленно ползущие черепахи в растерянности смотрели на свои укрытия, не понимая, как это они отважились покинуть их?

У Мерета-ага был свой резон быстрее ознакомить москвича с колодцем. Ему надо было к вечеру закончить облицовку самой нижней части южной его стены.

Внешне колодец пустыни не отличался от обычных, какие можно встретить в сельских дворах туркмен, где не было водопровода. Снаружи он представлял собой кольцо, обложенное кирпичом и покрытое слоем штукатурки, в которой было больше цемента, чем песка. Если заглянуть в такой колодец в ауле, то можно увидеть тёмные отблески воды. Сергей ничего, кроме пустоты, в нем не увидел. Его «о-го-го!» безвозвратно ушло в нутро колодца.

Моторист засмеялся:

– Ответа не жди.

Однако Сергею показалось, что эхо всё-таки пришло вздохом человека, ослабевшего в бесполезных потугах выбраться на поверхность, «ой-ой-ой»...

Бригадир лично осмотрел трос, заставив моториста запускать лебёдку на спуск и подъём. Ещё раз изучил состояние «парашюта» – кожаных ремней, переплетённых крест-накрест в виде сиденья. Включил свет в колодце: по электрическому проводу от генератора трактора вниз была спущена 12-ваттная лампочка. Всякое ведь предполагалось! Профессия колодцекопателя опасна. И об этом говорили их названия. На севере Каракумов один такой называли «Адамбосаном» – «Человека задавило», рядом «Адамо; клен» – «Человек умер». В ста сорока километрах к северу от Ашхабада – «Ойкенсиз» («Нечем дышать»), а

чуть ближе к Старому Мерву есть колодец «Джангуторан» («Спас себя»). Колодец с таким названием копал сам Меред-ага. Это его слава!

И, дав инструкцию ни в коем случае не приближаться к краям и не трогать стены, пригласил москвича занять место в «парашюте».

– Несколько снимков и сразу же наверх! – напутствовал бригадир. Его важным кивком головы поддержал главный инженер. Инструктор остался в кибитке. Было слышно, как он кричал, захлёбываясь от смеха: «Вах, шайтан, вах-вах, шайтан!»

Когда Сергей занёс ногу, чтобы просунуть её между ремнями «парашюта», вертолёт, взревев двигателем и подняв песчаную бурю, резко ушёл на юг. Он улетел на базу до завтра. Сергей Лемешев не знал, что это завтра будет совершенно отличным от других дней его жизни.

18 минут до вспышки

Впоследствии Сергей вновь и вновь будет пытаться повторить спуск в колодец, приведший его к находке, которая перевернула его жизнь в самом буквальном смысле...

Итак, всё начиналось с неторопливого спуска вниз. Когда пошли оштукатуренные стены колодца, ещё освещаемые дневным светом, у него вывалилась записная книжка. Она, шурша, прошла по жерлу колодца, а затем где-то далеко шлёпнулась. Звука Сергей не услышал, ревел двигатель трактора, но появилось представление о шлепке. Сергей незло выругался, но тотчас же забыл о блокноте, потому что сравнил колодец с глубоко врытой в землю гигантской пушкой, из которой Жюль Верн запустил снаряд к Луне.

Ствол колодца книзу постепенно расширялся, превращаясь у дна в сферу для заполнения двумя-тремя тоннами холодной пресной воды. Ею можно вдоволь напоить отару овец. Ничего интересного в стенках колодца, обработанных цементом, Лемешев не увидел, хотя предполагал за ними настоящее наложение геологических эпох.

Вчера в ресторане, между тостами, в их беседу вмешался оказавшийся за соседним столиком директор Института пустынь Академии наук республики Агаджан Бабаев. Он бубнил специфическими терминами о том, что Каракумы – это намётанный древними реками песок, что раньше здесь было сравнительно мелкое море, подступавшее к Памиру. Доказательства – в найденных в песке пустыни морских кораллах и окаменевших страусиных яйцах.

Когда ноги коснулись дна колодца, движение остановилось. Там, наверху, трос был размечен красными полосками, а журналист перед спуском гадал, глядя на банку с краской, зачем здесь малярные работы?

Только тишина и тьма, потревоженные дыханием человека и автомобильной лампочкой, испуганно мерцавшей на глубине 220 метров. Сергей, слегка раскачиваясь в «парашюте», думал о том, что 120 миллионов лет назад здесь было тёплое мелководье моря. А, может быть, остров с тропическими растениями и животными. Различные твари, ползающие, прыгающие и летающие, грызлись между собой. Они подавали пример обезьянам, а те сохранили этот образ жизни для людей...

Сергей усмехнулся. Он увидел записную книжку, валявшуюся птицей, сбитой и распластавшей белые листочки, как небольшие крылья. Презрев предупреждение бригадира Мерета-аги, вылез из «парашюта» и встал на грунт. Дно дрогнуло, словно живое, потому что под ним уже накапливалась вода, просачивающаяся из подземной линзы. Свет лампочки, бросаемой при движении сполохи, освещал не до конца обрешеченную стену. Оставался лишь сегмент в рост ребёнка. Там была земля невероятной древности!

Лемешев, опустившись на колени, дотронулся руками до грунта и ощутил прохладу сыроватого песка, который был крупнее того, что наверху, горячего, пыльного, истерзанного ветром. Сергей прижался ладонями и щекой к влажному песку, как путешественник, вышедший из жаркой пустыни и упавший на берегу моря. Остатки похмельного вхождения в рутинный репортаж вмиг исчезли. Неплохо бы найти в этом песке древнюю ракушку или окаменевшее яйцо какого-нибудь «завра» той эпохи!

Лемешев, как ему казалось, осторожно погрузил пальцы в песок. Тот уже подсох, даже на такой глубине, и легко поддался. Ещё усилие и кончики пальцев действительно упёрлись в нечто твёрдое. У Сергея сразу же от волнения захватило дух: либо это камень, либо яйцо динозавра! Ладони уже ощущали его

гладкую поверхность. Наконец обе руки захватили некий круглый предмет. Внезапно зашуршало под ногами. Молодой человек замер, вспомнил об инструктаже бригадира быть осторожным. Но когда он решился рвануть находку, стремительная лавина песка опрокинула его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/veys_vladimir/tigion

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)